

Распространенность татуировок среди учащихся общеобразовательных школ: социально-психологические аспекты

Собкин В.С.

ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования» (ФГБНУ «ИУО РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Лыкова Т.А.

ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования» (ФГБНУ «ИУО РАО»), Институт иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6494-978X>, e-mail: feo.tatiana@gmail.com

Рассматриваются вопросы возрастной динамики и гендерных особенностей отношения учащихся основной и старшей школы к использованию татуировок, специфики социального поведения подростков, имеющих татуировки; наличия татуировок среди подростков, склонных к девиантным формам поведения. Выборка: 32714 учащихся 7—11 классов, из них на наличие изображений на теле указали 1517 человек. Данные собраны с помощью анонимного анкетного опроса. Показано, что с переходом из основной школы в старшую увеличивается доля учащихся, имеющих татуировки. При этом интенсивность приобщения к культуре тату в старшем школьном возрасте среди девочек выше, чем среди мальчиков. Описаны ценностно-мотивационные установки, определяющие роль татуировки как знакового средства манифестации подростком отношения к сексуальной проблематике. Выявлено, что на этапе младшего подросткового возраста желание подростка сделать татуировку определяют стремление самоутвердиться в своем ближайшем социальном окружении и поиск групповой идентичности. К 9 классу татуировка чаще используется для выражения индивидуальности. Показано, что в среднем подростки с татуировками имеют более низкую успеваемость и менее склонны соблюдать школьные правила. Подобное ненормативное поведение подростков с тату и их стремления к социальному лидерству вызывают буллинг со стороны одноклассников. Выявлено, что среди учащихся с татуировками гораздо более распространены девиантные формы поведения: употребление нецензурной речи, курение, употребление алкоголя и наркотиков, участие в драках. Авторы приходят к выводам о том, что в современной подростковой культуре татуирование имеет функцию знакового средства опосредования поведения и переживания подростка.

Ключевые слова: подростковый возраст, подростковая субкультура, татуировка, мотивация, знаковое опосредование психических процессов, стили поведения, девиации.

Для цитаты: Собкин В.С., Лыкова Т.А. Распространенность татуировок среди учащихся общеобразовательных школ: социально-психологические аспекты // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 5. С. 101—115. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260508>

The Prevalence of Tattoos among Students of Secondary Schools: Sociopsychological Aspects

Vladimir S. Sobkin

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Tatyana A. Lykova

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education;
Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia,
Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6494-978X>, e-mail: feo.tatiana@gmail.com

The article focuses on the following issues: the prevalence of tattoos among adolescents; gender and age characteristics of their motivation for tattooing; the specifics of social behavior of adolescents with tattoos; and the occurrence of tattoos among adolescents with deviant behavior. The sample consisted of 32714 students of grades 7—11, of which 1517 people confirmed having images on the body. The data was collected using an anonymous questionnaire survey. It is shown that with the transition from elementary school to high school the proportion of students with tattoos increases. At the same time, the intensity of familiarization with the tattoo culture in high school age among girls is higher than among boys. The article describes the value and motivational attitudes that determine the role of tattoos as a symbolic means of manifestation of a teenager's attitude to sexual challenges. As it is revealed, in early adolescence the desire to get a tattoo is determined mainly by self-assertion and the search for group identity. By 9th grade, a tattoo is more often used to express individuality. In general, teenagers with tattoos have lower academic performance and are less likely to comply with school rules. Such abnormal behavior of teenagers with tattoos and their aspirations for social leadership cause bullying from classmates. It was found that deviant forms of behavior, such as profanity, alcohol and drug use, fighting, are much more common among students with tattoos. Tattoos are analyzed as a means of symbolic expression of belonging to a certain type of teenage subculture.

Keywords: adolescence, adolescent subculture, tattoo, motivation, sign mediation of mental processes, behavioral styles, deviations.

For citation: Sobkin V.S., Lykova T.A. The Prevalence of Tattoos among Students of Secondary Schools: Sociopsychological Aspects. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 5, pp. 101—115. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260508> (In Russ.).

Введение

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

...

Запечатлеется на нем узор...
О. Мандельштам «Дано мне тело»

Прежде чем перейти к анализу проблемы и представлению результатов, имеет смысл обратиться к личному опыту переживания и восприятия татуировок в детском и младшем подростковом возрасте одного из авторов. Было мне года три с половиной, когда на пляже пруда в Переделкино я увидел выходящего из воды мужчину, у которого на груди синим было нарисовано знакомое лицо, — я видел его в газетах, на плакатах, на майской демонстрации, куда меня брал недавно папа. Это было так неожиданно, и я спросил громко няню: «Фекла, зачем дядя себе нарисовал Сталина!?». Помню и наступившую затем звенящую тишину; Фекла, прикрыв мне глаза рукой, сказала: «Тише... не смотри». Став постарше, я стал все чаще видеть написанные на руках у мужчин слова, нарисованные на пальцах перстни, рисунки на плечах, звезды на коленях и уже не удивлялся; знал, что это «наколки», что их делают чернилами и это больно, но смысла изображений и слов, конечно, не понимал.

И вот школа, — учимся писать... Чего мы только не писали на партах, деревянных пистолетах и игрушечных кинжалах. Символы, как правило, просты и понятны: сердце, проткнутое стрелой, и имя; конечно, ее имя (точнее — ее инициалы). Подчиняясь какому-то непонятному чувству, слюнявишь химический карандаш и пишешь на руке имя, рисуешь сердце. Откуда это? Почему я это делаю? Пушкин ведь тоже рисовал женские профили, но на бумаге... Почему же я «пишу на своем теле» ее имя; что «я делаю с ним... таким моим»? Здесь есть что-то еще, психологически очень важное... Само переживание важно, лично значимо. «Я» не просто «текст»; здесь какое-то самоклеймение — ее именем. А вот Витька-Арбуз из четвертого подъезда наколот ее инициалы по-настоящему; испытал свое чувство к ней (любобное страдание)

через реальную физическую боль и гордо ходил героем с перевязанной рукой; отец его за это сильно выпорол.

Психологически пример с Витькой-Арбузом важен по двум причинам. Во-первых, душевное страдание «по ней» опосредовано не просто знаком, но зафиксировано и особым актом аутоагрессии через собственную физическую боль (видимый душевный «шрам на теле»). Во-вторых, Витька-то думал, что его тело принадлежит ему, это — его личная «собственность», и здесь он свободен. Но нет... Права на свое тело оказались ограничены, что и доказал ему отец.

Что двигало тем, запомнившимся мне с детства, дядей на переделкинском пруду, когда он накалывал себе профиль Сталина на грудь? «Охранная грамота» — в Сталина стрелять нельзя — оберег, тотем? Охранники не выстрелят при побеге... Да и у Пушкина в «Капитанской дочке» в 8 классе прочту про «царские — тотемные знаки» на груди Пугачева. А еще, лет через десять, услышу, как Высоцкий в своей «Баньке по-белому» гениально соединит эти две линии (охранно-тотемную и любовную) на «едином теле» своего лирического героя: «А на левой груди — профиль Сталина, / А на правой — Маринка анфас».

Казалось бы, тема знакома по личным впечатлениям еще с детства. Но сегодня другая культурная ситуация, и в ней татуировки занимают совершенно особое место. Тату сегодня выступает частью массовой культуры. По опросу ВЦИОМ, проведенному в 2019 году, 11% респондентов имели татуировки. Для сравнения: в США в возрастной когорте 25—34 года татуированный каждый третий [5].

В современных исследованиях тема татуирования рассматривается в русле нескольких направлений. Поскольку до недавнего времени практика татуирования была распространена преимущественно в криминальных сообществах, то ряд работ посвящен особенностям татуировок среди заключенных [1; 13 и др.].

В социальных науках татуировки фигурируют в работах по социологии и культурологии. Так, в работах Е.С. Воробьевой рассматриваются теоретико-методологические аспекты татуирования как объекта социологического

исследования. Автор обсуждает социальные функции татуировок, рассматривает мотивы и этапы приобщения к тату-культуре [3; 4]. В диссертации Л.А. Мельниковой анализируется культурологический аспект татуирования как формы репрезентации социокультурных кодов визуальности в молодежной среде на примере субкультуры байкеров [10]. В зарубежных культурологических исследованиях также обсуждается вопрос о функциях татуировок в современном обществе [21], особенностях тату как формы визуальной коммуникации [25], приводится анализ татуировок в различных культурах через призму истории искусства, медиаисследований, психоанализа, биополитики и других наук [23].

В социологическом исследовании М.Г. Солнышкиной и Я.М. Шошиной [16] предпринята попытка конструирования социального портрета современной молодежи, имеющей татуировки. В качестве преобладающей мотивации нанесения татуировок авторы фиксируют желание респондентов украсить свое тело, продемонстрировать индивидуальность и особенности внутреннего мира. В работе О.В. Кораблевой [9] выявлены различия в восприятии татуировок у респондентов разного возраста, а также мотивы нанесения тату. Среди самых распространенных отмечены: «самовыражение», «скрытие дефектов кожи», «память о чем-либо» и «красота и украшение тела». V. Pitts (2003) [26] в своем качественном исследовании субкультурной среды модификации тела интерпретирует историю шестнадцати модификаторов тела (а также некоторых журналов и фильмов по данной теме), используя инструменты феминистской и квир-теории.

Непосредственно психологические исследования темы татуирования единичны и, как правило, проведены на небольших выборках. А.А. Федорова и К.А. Жукова с помощью психодиагностических методик выявили, что молодые люди с татуировками, по сравнению с выборкой без татуировок, демонстрируют большую независимость, отрицание социальных и групповых норм, самостоятельность и решительность. Вместе с тем они чаще имеют низкий уровень самопринятия и само-

уважения, склонны к самообвинению, низкой самооценке [17]. Результаты исследования Е.Ф. Новгородовой показали, что каждый третий респондент с татуировками обладает низким уровнем субъективного счастья, также опрошенные с татуировками чаще прибегают к аддиктивным формам поведения для снятия напряжения и достижения счастья [11]. Корейский исследователь Lee Young-joo (2020) [22] на основе данных анкетного опроса студентов колледжей обнаружил, что наибольший интерес к тату-практикам проявляют лидеры студенческих сообществ, увлеченные современной модой. Они также считают, что татуировки делают их образ стильным, ярким и вызывающим. В работе S. Oktaviani, N. Hidayah, A. Martiana (2020) [24] показано, что основными причинами для нанесения татуировок женщины считают желание власти над своим телом и выражение своей жизненной философии.

Отметим также, что практика татуирования рассматривается в ряде психологических исследований в контексте проявлений аутоагрессии [12], самоповреждения [18], отклоняющегося поведения [8], диссоциации личности [20].

В данной статье будут рассмотрены вопросы, касающиеся распространенности использования татуировок в подростковой среде с учетом гендерных и возрастных различий. При этом основной акцент здесь сделан на содержательном анализе мотивации нанесения татуировок в современной культуре. В качестве гипотез выдвигается два предположения: 1) в процессе взросления происходит смена мотивационных доминант татуирования среди подростков; 2) татуирование в современной подростковой культуре выполняет функцию знакового средства опосредования поведения и переживаний школьников.

Выборка и методы

Статья основана на материале анонимного анкетного опроса, проведенного сотрудниками Центра социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО» весной 2021 г. В опросе приняли участие 40750 учащихся 7—11 классов из 17 регионов России. На вопрос о татуировках

ответило 32714 учащихся, из них указали на наличие изображений на теле 1517 человек.

Помимо вопросов, касающихся татуировок, анкета содержала ряд содержательных блоков, связанных с социально-демографическими характеристиками, ценностными ориентациями, социальным самочувствием и поведенческими особенностями респондентов. Это позволяет рассмотреть особенности субкультуры подростков с татуировками в широком социокультурном контексте с учетом влияния разнообразных социально-психологических факторов.

Статистическая обработка материалов исследования проводилась с использованием пакета программ SPSS 21.0., приведенные данные о различиях между подвыборками значимы на уровне $p < 0,05$.

Результаты

Предваряя изложение полученных результатов, отметим, что в процессе анализа мы будем обращать внимание на распределение ответов внутри субкультуры подростков с татуировками (1517 человек), сопоставляя их с ответами подростков без татуировок (31197 человек). Подобный подход позволяет выявить статистические различия между ответами татуированных и нетатуированных

школьников, а также охарактеризовать специфические особенности субкультуры подростков с татуировками.

Основной материал исследования сгруппирован относительно трех разделов. В первом разделе рассмотрено влияние гендерных и возрастных особенностей на мотивацию использования татуировок; во втором — анализируются стилевые особенности поведения татуированных подростков в школе и в сфере досуга; в третьем — характеризуется склонность подростков к девиантным формам поведения.

Мотивация использования татуировок школьниками

На наличие у себя татуировки указали 4,6% опрошенных (4,0% мальчиков и 4,8% девочек). Рассмотрение возрастной динамики показывает, что число тех школьников, у кого есть татуировки, увеличивается от 7 к 11 классу почти в 2,5 раза (соответственно: с 2,9% до 7,2%). При этом можно выделить две ключевые точки, когда происходит резкий скачок числа подростков с татуировками — 9 класс (5,4%) и 11 класс (7,2%). Более детальный анализ, учитывающий гендерные особенности, свидетельствует о существенных различиях в возрастной динамике числа татуированных среди мальчиков и девочек (см. рис. 1).

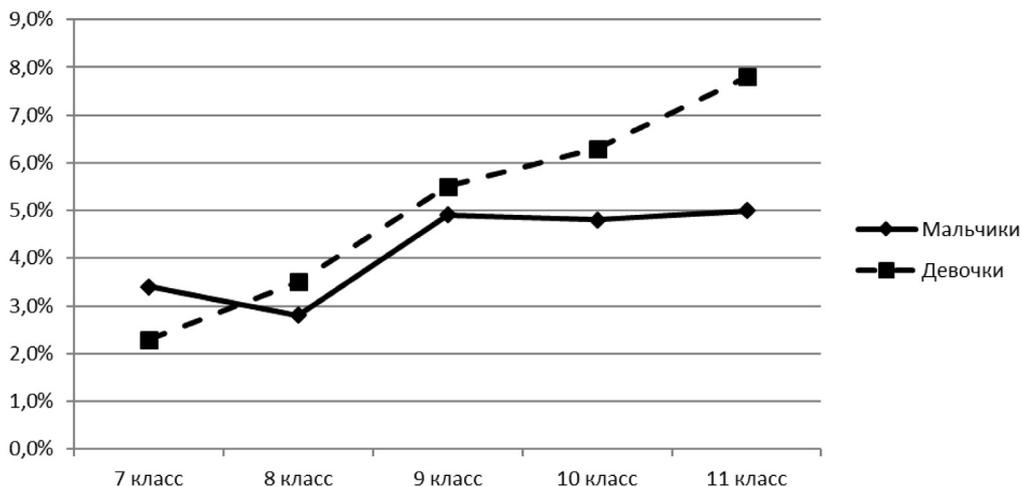

Рис. 1. Возрастная динамика числа татуированных среди мальчиков и девочек (%)

Из рис. 1 видно, что от 7 к 9 классу число подростков, имеющих татуировки, растет как среди мальчиков, так и среди девочек, но в целом остается приблизительно на одном уровне. Между тем среди старшеклассников (10—11 классы) доля татуированных у девочек довольно заметно увеличивается, в то время как у мальчиков в этот период она практически не меняется. В 11 классе доля татуированных среди девочек оказывается выше, чем среди мальчиков, уже в 1,6 раза. В пересчете на численность класс-комплектов учащихся можно сделать вывод о том, что в среднем в каждом 11 классе есть 1—2 девочки с тату.

Для понимания содержательных особенностей возрастной динамики числа татуированных подростков следует обратиться к анализу тех мотивировок, которые, по мнению школьников, обуславливают желание сделать татуировку. С этой целью респондентам задавался специальный вопрос: «Как вы думаете, по каким причинам люди делают татуировки?». Учащиеся могли выбрать все подходящие, с их точки зрения, варианты из предложенного списка, включавшего 17 мотивировок. Отметим, что при подборе вариантов ответов мы опирались на материалы современных исследований относительно функций и мотивов татуирования [4; 7; 10 и др.].

Сопоставительный анализ ответов школьников с татуировками и без показал, что для обеих подвыборок наиболее часто упоминаемыми мотивами нанесения татуировок выступают: «желание украсить себя» (в среднем 51,8%), «попытка выразить себя» (47,1%), «желание подчеркнуть свою индивидуальность» (42,1%), «желание зафиксировать значимые события своей жизни» (25,2%), «следование моде» (19,3%).

При этом два мотива явно более выражены у респондентов с татуировками: «желание получить психологическую разрядку» (среди подростков с тату — 10,4%, без тату — 5,4%) и «стремление продемонстрировать свою сексуальную привлекательность» (соответственно: 9,3% и 4,1%). Что касается использования татуировки для «получения психологической разрядки», то данный мотив, с нашей точки зрения, достаточно специфичен и чаще упо-

минается подростками с татуировками в силу наличия у них опыта подобного способа совладания с внутренним напряжением, а также с теми переживаниями, которые связаны с аутоагрессией при нанесении татуировки [8].

Мотив же «демонстрация своей сексуальной привлекательности» представляет специальный интерес в контексте наших данных об отношении к половой жизни подростков с тату. Отметим, что 39,3% школьников с тату имеют опыт сексуальных отношений (для сравнения: среди подростков без тату таких около 13,7%). Причем среди татуированных 31,6% считают сексуальные отношения нормальными для своего возраста (среди подростков без татуировок таких лишь 10,8%). Проявление особой значимости сексуальной жизни среди татуированных подростков обнаруживается и на уровне их ценностных ориентаций. Так, среди мальчиков и девочек с татуировками во всех возрастных параллелях в качестве наиболее значимых жизненных ценностей чаще отмечаются «духовная и физическая близость с любимым человеком» (в среднем 28,3% среди мальчиков с тату по сравнению с 16,1% у мальчиков без тату; 29,9% у девочек с татуировками по сравнению с 17,0% у девочек без татуировок).

Обращаясь к возрастным изменениям мотивировок использования тату, выделим ряд характерных особенностей. Так, анализ эмпирических данных свидетельствует о весьма существенных изменениях на этапе между 7 и 9 классами.

Во-первых, среди татуированных девочек от 7 к 9 классу снижается значимость следующих мотивов: «следование моде» (32,9% в 7 классе, 9,0% в 9 классе, 7,1% в 11 классе); «желание подчеркнуть свою независимость» (соответственно: 17,6%, 5,5%, 6,1%); «желание доказать, что “не слабо”» (соответственно: 14,1%, 4,5%, 3,0%); «демонстрация своего статуса в определенной социальной среде» (соответственно: 12,9%, 5,5%, 3,0%).

Во-вторых, среди татуированных подростков (как мальчиков, так и девочек) явно выделяется другая группа мотивировок, значимость которых также отчетливо снижается от 7 к 9 классу: «желание найти новый круг обще-

ния» (у девочек: в 7 классе 12,9%, в 9 классе 4,0%, в 11 классе 4,5%; у мальчиков, соответственно: 13,8%, 5,6%, 7,1%); «стремление зафиксировать свою принадлежность к определенной группе» (у девочек, соответственно: 12,9%, 7,5%, 9,1%; у мальчиков, соответственно: 14,9%, 8,0%, 10,0%); «желание подчеркнуть свою агрессивность, внушить страх» (у девочек, соответственно: 16,5%, 6,0%, 4,0%; у мальчиков, соответственно: 16,0%, 8,0%, 11,4%). В целом эти мотивировки выражают тенденцию, связанную со стремлением к групповой самоидентификации и социальной самопрезентации, что в целом характерно для этапа подростничества, когда актуализируется потребность расширения социальной среды [2].

Начиная с 9 класса среди девочек, имеющих татуировки, существенно увеличивается значимость трех мотивов: «попытка выразить себя» (в 7 классе 40,0%, в 9 классе 52,0%, в 11 классе 53,5%); «желание подчеркнуть свою индивидуальность» (соответственно: 36,5%, 45,5%, 47,5%); «желание зафиксировать значимые события своей жизни» (соответственно: 18,8%, 33,0%, 41,4%). Заметим, что содержание роста частоты выбора этого комплекса мотивировок в целом отражает общую тенденцию — стремление с помощью татуировки выразить свою индивидуальность. При этом характерно, что актуализация данного комплекса мотивов на этом возрастном этапе свойственна и для девочек без татуировок.

Стилевые особенности поведения татуированных подростков: школа и сфера досуга

При рассмотрении проблемы соотношения татуирования и социального самочувствия важно обратить внимание на оценку подростком успешности реализации своих жизненных перспектив, характер планирования им своего будущего, своеобразие его ценностных ориентаций [14]. Рассмотрим особенности самочувствия подростка с тату в пространстве школы и в сфере досуга.

Самочувствие в стенах школы. Большинство школьников с татуировками имеют низкую успеваемость — 55,1%, средняя успеваемость у 34,8%, высокие оценки имеет каждый

десятый подросток с татуировками (10,1%). Что касается отношения к принятым в школе правилам поведения, то здесь учащиеся с татуировками явно демонстрируют их отрицание: склонны не выполнять школьные правила 41,5% по сравнению с 19,3% среди подростков без татуировок.

Несмотря на в среднем более низкую успеваемость и игнорирование школьных правил подростками с тату, среди них существенно выше доля тех, кто считает себя лидером в коллективе класса — 14,3% (для сравнения: среди подростков без татуировок таких 6,8%). В принципе это соответствует и более высокому уровню среди них мотивации к самоутверждению при нанесении татуировок, что мы отмечали выше.

Возможно, это является и проявлением защитной реакции, связанной, в частности, с пессимистической оценкой успешности своих жизненных перспектив. Среди татуированных школьников удобная оценка характера для 11,5% (среди учащихся без татуировок таких 5,1%). В этой связи особый интерес представляют результаты, касающиеся проявлений буллинга в отношении подростков с татуировками. Так, наличие регулярных «легких» проявлений травли (насмешки, издевательства, игнорирование со стороны одноклассников) фиксирует 13,4% подростков с татуировками (для сравнения: в подвыборке без татуировок — 4,8%). На более «жесткие» формы: избиение, нанесение вреда имуществу, принуждение, происходящие регулярно, указывают 11,1% школьников с татуировками (без татуировок — 1,1%). При этом еще 20,0% подростков с татуировками отмечают, что подобные события с ними «иногда случались» (в подвыборке без татуировок таких в два раза меньше — 10,7%).

Для лучшего понимания ситуации вопросы, посвященные буллингу по отношению к подросткам с татуировками, были проанализированы с учетом пола и возраста респондентов. Полученные результаты показывают, что чаще всего на проявления насилия в свой адрес указывают мальчики и девочки в 7 классе, при этом в 9 и 11 классах доля таких ответов существенно снижается (см. рис. 2).

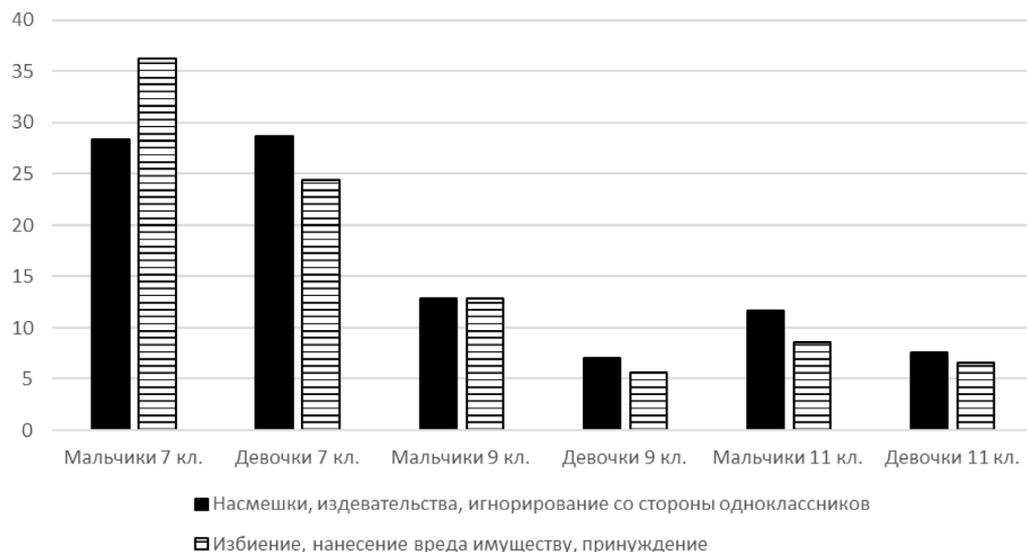

Рис. 2. Доля мальчиков и девочек 7, 9 и 11 классов с татуировками, регулярно переживающих буллинг (%)

Подобные результаты, с нашей точки зрения, связаны с особенностями возрастного этапа, когда в 7 классе подростки в целом ведут себя более безжалостно и агрессивно по отношению к другим. Возможно, причиной буллинга по отношению к подросткам с татуировками выступает не сам факт наличия того или иного изображения на теле, а проявляемая подростками с тату общая ненормативность поведения и демонстративное противопоставление себя группе в отношении принятых в школе норм и правил поведения, в том числе неформальных. По мере взросления, с переходом в 9 класс происходит и изменение отношения подростков как к проявлениям коллективной агрессии, так и к нарушению школьных норм и правил. Добавим, что аналогичные результаты относительно снижения с возрастом числа подростков, указывающих на проявления буллинга в свой адрес, были получены и в наших предыдущих работах [15].

Сфера досуга. Полученные материалы показывают, что татуированные учащиеся чаще, по сравнению со школьниками без татуировок, указывают, что в свободное время они предпочитают «посещать клубы, дискотеки» (соответственно: 19,4% и 4,2%).

Сравнение особенностей поведения в социальных сетях подростков с татуировками и без них показало, что среди первых существенно больше активных пользователей, которые постоянно обновляют свой аккаунт (44,0% по сравнению с 30,2% в подвыборке без татуировок). При этом весьма характерны различия в мотивах использования социальных сетей. Среди подростков с тату чаще встречаются указания на: «возможность реализовать желания и цели, которые недоступны в реальной жизни» (14,5% по сравнению с 9,2%); «возможность заработать деньги» (соответственно: 13,2% и 6,8%); «возможность ухода от конфликтов и сложностей в реальной жизни» (соответственно: 12,6% и 7,5%). Отметим, что при описании своей страницы в социальной сети подростки с татуировками значимо реже, по сравнению с подростками без татуировок, характеризуют ее как «обычную» (соответственно: 64,0% и 83,8%). При этом среди них чаще встречаются такие характеристики, как «интересная для незнакомых пользователей» (соответственно: 17,8% и 8,0%), «неординарная» (соответственно: 14,4% и 4,8%), «откровенная» (соответственно: 11,1% и 2,7%) и «провокационная» (соответственно: 7,3% и 1,5%).

Татуировки и склонность подростков к девиантным формам поведения: мат, курение, алкоголь, наркотики, драки

Сам факт наличия татуировки у школьника дает основание к предположению о его склонности к ненормативному поведению, нарушению принятых социальных и культурных норм. В данном разделе мы рассмотрим отношение подростков с татуировками к различным формам девиантного поведения: использование нецензурной лексики, курение, употребление алкоголя, наркотиков, участие в драках.

Нецензурная лексика. Как видно из рис. 3, среди школьников с татуировками значительно больше тех, кто постоянно использует в своей речи мат, и мало тех, кто никогда не пользуется нецензурной лексикой.

Указывая причины употребления мата, подростки с татуировками чаще отмечают, что «это вошло в привычку» (соответственно: 43,2% по сравнению с 28,9% среди подростков без татуировок). Также более значимыми для них выступают мотивы следования групповым правилам (вариант «так принято среди моих друзей», соответственно: 15,1% и 6,5%),

проявление агрессии (вариант «использую нецензурные выражения, чтобы оскорбить кого-либо», соответственно: 15,6% и 6,9%) и «желание казаться старше» за счет использования обсценной лексики (соответственно: 8,5% и 1,6%).

Курение. На вопрос «Курите ли вы?» утвердительно ответили 43,3% респондентов с татуировками, а в подвыборке без татуировок — 7,2%. При этом курение среди учащихся с татуировками в большей степени связано с мотивацией социального одобрения своей референтной группой и попыткой компенсации трудностей в общении: вариант «курение облегчает общение со сверстниками» отметили 17,3% респондентов с татуировками и 8,8% без тату; вариант «престижно» — 14,1% и 4,3%; «позволяет мне выглядеть старше своего возраста» — 10,4% и 3,2%; «не хочу, чтобы думали, что мне слабо» — 10,9% и 2,7%.

Алкоголь. Среди имеющих татуировки «время от времени» употребляют алкогольные напитки 49,7%, тогда как среди подростков без татуировок на это указали 14,6%. При этом различия в мотивации аналогичны ситуации с курением. Так, среди подростков

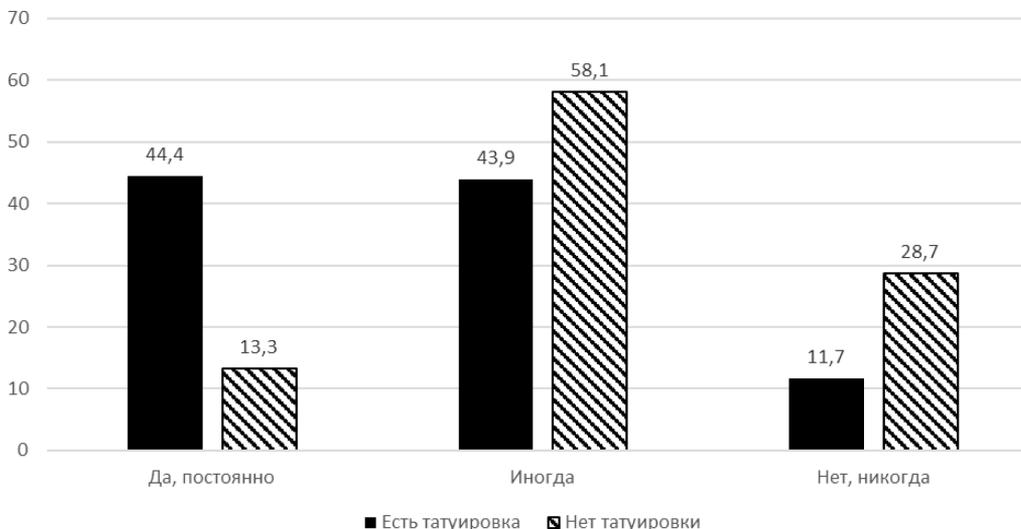

Рис. 3. Распределение ответов школьников с татуировками и без татуировок на вопрос о частоте использования нецензурных выражений (%)

с татуировками считают употребление алкоголя «престижным» 17,8% (среди учащихся без тату — 5,6%); пьют из чувства протеста (вариант «потому что мне запрещают употреблять алкоголь», соответственно: 11,6% и 3,4%); стремятся за счет алкоголя «выглядеть старше своего возраста» (соответственно: 10,7% и 3,4%).

Наркотики. В отношении распространенности употребления наркотиков не было выявлено различий между респондентами с татуировками и без них. Положительный ответ на вопрос «Употребляете ли вы наркотики?» дали 14,2% школьников с татуировками и 14,6% учащихся без татуировок. При этом отмечены те же особенности в мотивации употребления наркотиков, что и для курения и алкоголя: подростки с татуировками чаще, по сравнению со сверстниками без тату, считают употребление наркотиков «престижным» (соответственно: 33,3% и 13,7%); думают, что это «сделает их старше» (соответственно: 30,0% и 15,3%); «выражают протест в ответ на запрет» (соответственно: 22,9% и 8,9%).

Участие в драках. Респонденты с татуировками, по сравнению с учащимися без татуировок, чаще указывают, что участвовали в

драках за последние 2 месяца до проведения опроса, и значительно реже декларируют принципиальный отказ от драк (см. рис. 4).

При этом характерно, что у тех из вступавших в драки подростков, кто имеет татуировки, более значимо выражен мотив «из-за ревности» (соответственно: 24,2% и 8,4%). Также ими чаще упоминаются следующие причины драк: «должен был вступить за незнакомого человека» (соответственно: 20,2% и 11,0%); «вследствие потери самоконтроля в результате алкогольного (наркотического) опьянения» (соответственно: 15,6% и 3,6%); желание «отстоять точку зрения группы, к которой принадлежу» (соответственно: 17,1% и 9,2%); «с целью присвоения чужих вещей, денег» (соответственно: 14,2% и 3,3%), а также стремление «показать свое превосходство, самоутвердиться (почувствовать себя взрослее)» (соответственно: 12,5% и 3,7%).

Обсуждение результатов

Полученные данные показывают, что с переходом из основной школы в старшую явно увеличивается доля учащихся, имеющих татуировки. При этом интенсивность приобщения к культуре тату на этапе старшего школьного

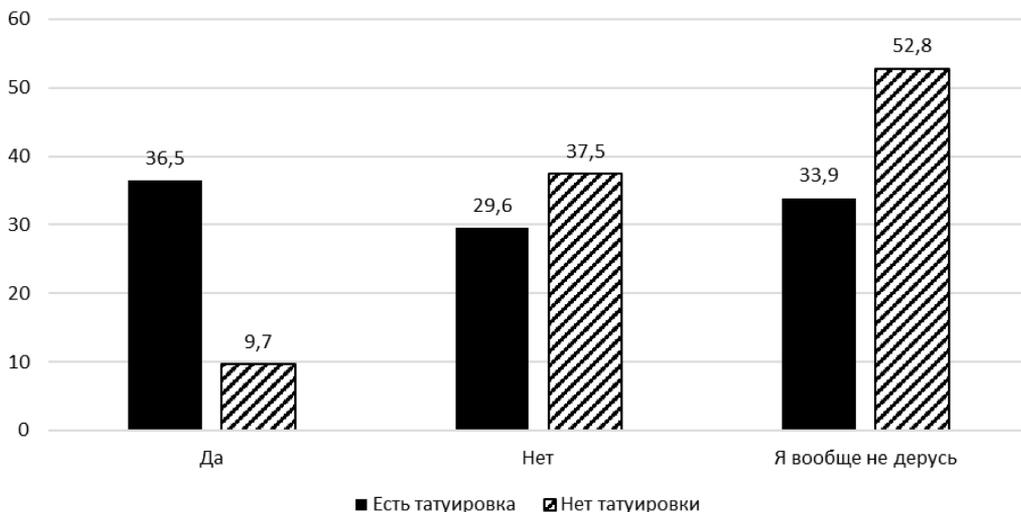

Рис. 4. Распределение ответов школьников с татуировками и без татуировок на вопрос «Дрались ли вы за последние 2 месяца?» (%)

возраста среди девочек оказывается значительно выше, чем у мальчиков.

Проведенный анализ полученных материалов позволил выявить ряд наиболее распространенных среди школьников мотивов нанесения татуировок: «желание украсить себя», «стремление выразить себя», «желание подчеркнуть свою индивидуальность», «желание зафиксировать значимые события своей жизни», «следование моде». В этом ряду следует специально выделить достаточно сложный комплекс ценностно-мотивационных установок, определяющих высокую значимость татуировки как особого знакового средства манифестации подростком своего отношения к сексуальной проблематике; демонстрации своей «взрослости» в сфере сексуальных отношений и представлений о культуре телесности.

Подчеркнем, что рассмотрение возрастной динамики отношения подростков к татуировкам позволило выделить ряд характерных возрастных тенденций. Так, на этапе младшего подросткового возраста желание подростка сделать татуировку определяют стремление самоутвердиться в своем ближайшем социальном окружении и поиск групповой идентичности. К окончанию же основной школы (9 класс) обе эти тенденции резко теряют свою значимость, но параллельно явно актуализируется значимость использования татуировки как средства подчеркивания своей индивидуальности.

В целом эти данные о смене мотивационных доминант, определяющих использование татуировок, содержательно соответствуют динамике возрастных психологических изменений на этапах перехода от подросткового возраста к ранней юности (чувство взрослости, пубертат, расширение социальной среды, групповая идентификация, личностное самоопределение).

В этом отношении интерпретация полученных данных с точки зрения идей знакового опосредования психических процессов [6] позволяет рассматривать татуировку как особое знаковое средство, демонстрирующее социальному окружению ценностно-смысловые установки подростка, связанные со стремлением к самоутверждению и выражению своей

индивидуальности. Характерно, что основной смысл (мотивы) этих «тату-посланий» адекватно считывается сверстниками. Вместе с тем важно также обратить внимание и на другой аспект, который касается своеобразия использования татуировки как знака; знака, выступающего в качестве особого «телесного» средства («шрама») опосредования своих чувств и переживаний. И здесь полученные нами данные о возрастных изменениях мотивации использования татуировок позволяют сделать вывод о своеобразном подтверждении общей психологической закономерности: переходе от знака, обращенного вовне, к знаку, обращенному на себя.

Рассмотрение особенностей социального самочувствия подростков с татуировками в социальном пространстве школы показало, что они в среднем имеют более низкую успеваемость и менее склонны поддерживать школьные правила. В то же время среди них существенно выше доля тех, кто считает себя лидером в коллективе класса. Подобное ненормативное поведение подростков с тату и их выраженная манифестация своего стремления к социальному лидерству вызывают коллективные агрессивные реакции (буллинг) со стороны одноклассников, что особенно характерно для учащихся основной школы. Это ведет к тому, что татуированные подростки ищут другое социальное пространство, где могут чувствовать себя более свободно, — клубы, дискотеки, социальные сети. Именно здесь татуированные подростки могут реализовать широкий спектр мотивов, связанных как с желанием выразить свою индивидуальность, так и с реализацией защитных механизмов, касающихся ухода от реальных проблем. В этом отношении полученные данные показывают, как социально неадаптированные к школьным правилам поведения учащиеся благодаря агрессивным реакциям со стороны одноклассников вытесняются в другие социальные пространства, где ощущают себя гораздо более свободно. Подобный уход («выжимание» подростка из стен школы с помощью коллективной агрессии одноклассников) в другие социальные общности можно, кстати, рассматривать и как своеобразное

косвенное проявление педагогического принципа о «воспитывающей силе коллектива».

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что среди учащихся с татуировками гораздо более распространены девиантные формы поведения: употребление нецензурной речи, курение, употребление алкоголя и наркотиков, участие в драках. Подобные факты дают основание к выводу о том, что для значительной части учащихся нанесение татуировки является одним из атрибутов проявления их склонности к девиациям, а возможно и принадлежности к определенным маргинальным (или даже криминальным) группам. При этом характерно, что сами девиантные формы поведения среди татуированных подростков гораздо чаще (чем среди подростков без татуировок) мотивируются, с одной стороны, желанием казаться старше, реакцией на запреты, а с другой — престижностью девиантных форм поведения и стремлением к превосходству, самоутверждению. В этом отношении можно говорить о татуировках как характерном способе знакового выражения (символизации) своей принадлежности к особому типу подростковой субкультуры, где девиантные формы поведения рассматриваются как проявления взрослости, социального протеста, самоутверждения.

Заключение

1. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о сложной возрастной

динамике и гендерных особенностях отношения учащихся основной и старшей школы к использованию татуировок. При этом обнаруживается явное влияние на мотивы использования татуировок тех психологических особенностей, которые характерны для этапа перехода от младшего к старшему подростковому возрасту.

2. Своеобразие стилей поведения подростков с татуировками в социальном пространстве школы и в сфере досуга свидетельствует о действии сложных социально-психологических механизмов проявления групповой агрессии (буллинга) и социальной самоидентификации, которые необходимо учитывать при педагогической организации процесса социализации на этапе перехода от основной к старшей школе.

3. Наличие татуировок является одним из важных социальных атрибутов, фиксирующих склонность к девиантным формам поведения, для значительной части подростков.

4. Исследование выявило важное значение татуировок не только как особых средств коммуникации в подростковой субкультуре, но и как средств знакового опосредования собственного поведения и собственных переживаний подростка. В этой связи особый интерес представляет проведение в дальнейшем специального психосемантического анализа восприятия татуировок, используемых в подростковой субкультуре.

Литература

1. Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. Том 25. № 2. С. 177—182.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
3. Воробьева Е.С. Татуирование как объект социологического исследования. Теоретико-методологические аспекты: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. М., 2018. 29 с.
4. Воробьева Е.С. Формирование мотивации к татуированию как механизм конструирования идентичности // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 41—47.
5. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные опроса об

отношении россиян к татуировкам [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu> (дата обращения: 05.09.2021).

6. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Изд.-во Акад. пед. наук, 1960. 500 с.

7. Гайдай М.К., Кашина Л.А. Татуировки и жаргон как наиболее наглядные проявления асоциальной девиантности несовершеннолетних // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14А. С. 107—110.

8. Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Galkina_Degtyarev.html (дата обращения: 27.08.2021).

9. *Кораблева О.В.* К вопросу об отношении общественности к татуировке [Электронный ресурс] // Карельский научный журнал. 2020. Том 9. № 3(32). DOI:10.26140/knz4-2020-0903-0020
10. *Мельникова Л.А.* Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности в молодежной среде (на примере города Владивостока): дисс. ... канд. культурологии. Владивосток, 2015. 215 с.
11. *Новгородова Е.Ф.* Особенности субъективного благополучия обладателей татуировок [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2017. № 15(149). С. 536—540. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42078/> (дата обращения: 27.08.2021).
12. *Нурмухаметов Э.А., Иванова Е.В.* К вопросу о связи феномена аутоагрессии и телесной модификации в виде татуирования // Евразийский юридический журнал. 2017. № 5. С. 318—320.
13. *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь: Приз, 1994. 323 с.
14. *Собкин В.С., Калашникова Е.А.* К вопросу о межпоколенческих различиях в социальном самочувствии подростков: жизненная позиция и оценка значимости угроз // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 3. С. 54—69. DOI:10.17759/pse.2021260303
15. *Собкин В.С., Смыслова М.М.* Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросс-культурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 2. С. 71—86.
16. *Солнышкина М.Г., Шошина Я.М.* Социальный портрет современной молодежи, имеющей татуировки [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 5. DOI:10.17805/trudy.2019.5.1
17. *Федорова А.А., Жукова К.В.* Особенности личности молодых людей, имеющих татуировки // *Academicka' psychology*. 2020. № 1. С. 17—20.
18. *Хрупова А.Н., Шульга Т.И.* Представления студентов о самоповреждающем поведении [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 101—113. DOI:10.18384/2310-7235-2016-4-101-113
19. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
20. *Farber Sh.K.* The inner predator: trauma and dissociation in bodily self-harm [Electronic resource] // New Orleans APA Panel «Trauma: Obvious and Hidden: Possibilities for Treatment» August 10, 2006. URL: <https://www.apadivisions.org/division-39/sections/childhood/farber.pdf>
21. *Featherstone M.* Body Modification. London: SAGE Publications Ltd, 2000. 352 p.
22. *Lee Young-joo.* Tatu awareness and tatu behavior according to the fashionable leading power of college students [Electronic resource] // Korean Journal of Regional Social and Life Sciences. 2020. № 31.2 DOI:10.7856/kjcls.2020.31.2.153
23. *Martell J., Larsen E.* Tattooed Bodies. Theorizing Body Inscription Across Disciplines and Cultures [Electronic resource]. London: SAGE Publications, Inc, 2021. DOI:10.1007/978-3-030-86566-5
24. *Oktaviani S., Hidayah N., Martiana A.* The Authority of Women with Tattoos [Electronic resource] // 4th International Conference of Social Science and Education (ICSSSED), 2020. DOI:10.2478/9788366675186-026
25. *Olson L.C., Finnegan C.A., Hope D.S.* Visual Rhetoric. A Reader in Communication and American Culture. Los Angeles: SAGE Publications, Inc, 2008. 464 p.
26. *Pitts V.* In the Flesh. The Cultural Politics of Body Modification [Electronic resource]. New York: Palgrave Macmillan US, 2003. DOI:10.1057/9781403979438

References

1. *Barabanov N.P.* Kriminologicheskii i psikhologicheskii aspekty kriminal'noi ideologii i obraza zhizni v kriminal'noi subkul'ture osuzhdennykh [Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2017. Vol. 25, no. 2, pp. 177—182. (In Russ.).
2. *Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 398 p. (In Russ.).
3. *Vorob'eva E.S.* Tatuirovanie kak kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya. Teoretiko-metodologicheskie aspekty. Avtoref. diss. kand. sots. nauk [Tattooing as an object of sociological research. Theoretical and methodological aspects. PhD (Sociology) Thesis]. Moscow, 2018. 29 p. (In Russ.).
4. *Vorob'eva E.S.* Formirovanie motivatsii k tatuirovaniyu kak mekhanizm konstruirovaniya identichnosti [Formation of motivation for tattooing as a mechanism for constructing identity]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2016, no. 6, pp. 41—47. (In Russ.).
5. *Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM)* predstavlyaet dannye oprosa ob otnošenii rossiiyan k tatuirovkam [Elektronnyi resurs]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu> (Accessed 05.09.2021). (In Russ.).
6. *Vygotskii L.S.* Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii [The development of higher mental functions]. Moscow: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences, 1960. 500 p. (In Russ.).
7. *Gaidai M.K., Kashina L.A.* Tatuirovki i zhargon kak naibolee naglyadnye proyavleniya asotsial'noi deviantnosti nesovershennoletnikh [Tattoos and jargon

- as the most obvious manifestations of antisocial deviance of minors]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2012, no. 14A, pp. 107—110. (In Russ.).
8. Galkina E.A., Degtyarev A.V. Otklonyayushcheesya povedenie i autoagressiya u nesovershennoletnikh s modifikatsiyami tela [Elektronnyi resurs] [Deviant behavior and autoaggression in minors with body modifications]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and law*, 2015, no. 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Galkina_Degtyarev.phtml (Accessed 27.08.2021). (In Russ.).
9. Korableva O.V. K voprosu ob otnoshenii obshchestvennosti k tatiurovke [Elektronnyi resurs] [On the question of the public's attitude to tattooing]. *Karelskii nauchnyi zhurnal = Karelian Scientific Journal*, 2020. Vol. 9, no. 3(32). DOI:10.26140/knz4-2020-0903-0020 (In Russ.).
10. Mel'nikova L.A. Tatiurovka kak forma reprezentatsii sotsiokul'turnykh kodov vizual'nosti v molodezhnoi srede (na primere goroda Vladivostoka). Diss. kand. kul'turologii [Tattooing as a form of representation of socio-cultural codes of visibility in the youth environment (on the example of the city of Vladivostok) PhD (Culturology) diss.]. Vladivostok, 2015. 215 p. (In Russ.).
11. Novgorodova E.F. Osobennosti sub'ektivnogo blagopoluchiya obladatelei tatiurovok [Elektronnyi resurs] [Features of subjective well-being of tattoo owners]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2017, no. 15(149), pp. 536—540. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42078/> (Accessed 27.08.2021). (In Russ.).
12. Nurmuhametov E.A., Ivanova E.V. K voprosu o svyazi fenomena autoagressii i telesnoi modifikatsii v vide tatiurovaniya [On the connection between the phenomenon of autoaggression and bodily modification in the form of tattooing]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2017, no. 5, pp. 318—320. (In Russ.).
13. Pirozhkov V.F. Zakony prestupnogo mira molodezhi. Kriminal'naya subkul'tura [Laws of the criminal world of youth. Criminal subculture]. Tver': Priz, 1994. 323 p. (In Russ.).
14. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. K voprosu o mezhpokolencheskikh razlichiyakh v sotsial'nom samochuvstviy podrostkov: zhiznennaya pozitsiya i otsenka znachimosti ugroz [On the issue of intergenerational differences in the social well-being of adolescents: life position and assessment of the significance of threats]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2021. Vol. 26, no. 3, pp. 54—69. DOI:10.17759/pse.2021260303 (In Russ.).
15. Sobkin V.S., Smyslova M.M. Bulling v stenakh shkoly: vliyaniye sotsiokul'turnogo konteksta (po materialam krosskul'turnogo issledovaniya) [Bullying within the walls of the school: the influence of the socio-cultural context (based on the materials of cross-cultural research)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2014. Vol. 5, no. 2, pp. 71—86. (In Russ.).
16. Solnyshkina M.G., Shoshina Ya.M. Sotsial'nyi portret sovremennoi molodezhi, imeyushchei tatiurovki [Elektronnyi resurs] [Social portrait of modern youth with tattoos]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Scientific works of the Moscow University for the Humanities*, 2019, no. 5. DOI:10.17805/trudy.2019.5.1 (In Russ.).
17. Fedorova A.A., Zhukova K.V. Osobennosti lichnosti molodykh lyudei, imeyushchikh tatiurovki [Personality features of young people with tattoos]. *Academicka' psichologie = Academic psychology*, 2020, no. 1, pp. 17—20. (In Russ.).
18. Khrupova A.N., Shul'ga T.I. Predstavleniya studentov o samopovrezhdayushchem povedenii [Elektronnyi resurs] [Students' ideas about self-harming behavior]. *Vestnik MGOU. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2016, no. 4, pp. 101—113. DOI:10.18384/2310-7235-2016-4-101-113 (In Russ.).
19. El'konin D.B. Izbrannyye psikhologicheskie Trudy [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p. (In Russ.).
20. Farber Sh.K. The inner predator: trauma and dissociation in bodily self-harm [Electronic resource]. *New Orleans APA Panel «Trauma: Obvious and Hidden: Possibilities for Treatment»*, August 10, 2006. URL: <https://www.apadivisions.org/division-39/sections/childhood/farber.pdf> (Accessed 27.08.2021).
21. Featherstone M. Body Modification. London: SAGE Publications Ltd, 2000. 352 p.
22. Lee Young-joo. Tatu awareness and tatu behavior according to the fashionable leading power of college students [Electronic resource]. *Korean Journal of Regional Social and Life Sciences*, 2020, no. 31.2 DOI:10.7856/kjcls.2020.31.2.153
23. Martell J., Larsen E. Tattooed Bodies. Theorizing Body Inscription Across Disciplines and Cultures [Electronic resource]. London: SAGE Publications, Inc, 2021. DOI:10.1007/978-3-030-86566-5
24. Oktaviani S., Hidayah N., Martiana A. The Authority of Women with Tattoos [Electronic resource]. *4th International Conference of Social Science and Education (ICSSSED)*, 2020. DOI:10.2478/9788366675186-026
25. Olson L.C., Finnegan C.A., Hope D.S. Visual Rhetoric. A Reader in Communication and American Culture. Los Angeles: SAGE Publications, Inc, 2008. 464 p.
26. Pitts V. In the Flesh. The Cultural Politics of Body Modification [Electronic resource]. New York: Palgrave Macmillan US, 2003. DOI:10.1057/9781403979438

Информация об авторах

Собкин Владимир Самуилович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, руководитель Центра социологии образования, ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования» (ФГБНУ «ИУО РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Лыкова Татьяна Анатольевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования» (ФГБНУ «ИУО РАО»), старший преподаватель, Институт иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО «РУДН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6494-978X>, e-mail: feo.tatiana@gmail.com

Information about the authors

Vladimir S. Sobkin, Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Head of the Center for Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>, e-mail: sobkin@mail.ru

Tatyana A. Lykova, PhD in Psychology, Leading Researcher, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education; Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6494-978X>, e-mail: feo.tatiana@gmail.com

Получена 10.09.2021

Received 10.09.2021

Принята в печать 10.10.2021

Accepted 10.10.2021